

НИККИ ФРЕНЧ

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ
ДОМ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ф87

Nicci French
HOUSE OF CORRECTION
Copyright © Nicci French, 2020
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения
C&W, Greyhound Literary Agents и The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского Ильи Светлова

Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Френч Н.

Ф87 Исправительный дом : роман / Никки Френч ; пер. с англ. И. Светлова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 544 с. — (Убийство в кармане).

ISBN 978-5-389-27722-9

Табита никак не может вспомнить тот страшный день. Что произошло? Зачем Стюарт пришел к ней домой и почему на следующее утро его окровавленное тело, завернутое в полиэтиленовую пленку, нашли в ее сарае? Все улики указывают на Табиту, соседи дружно обвиняют ее, и даже адвокат советует ей признать себя виновной, чтобы скостить тюремный срок. Но девушка не верит в свою вину и принимает рискованное решение отказаться от защиты и самой попытаться восстановить истину. Сложно играть в детектива, не выходя из камеры, но мало-помалу перед Табитой начинают открываться грязные тайны ее соседей, их истинные лица, так не похожие на те маски добропорядочных буржуа, которые они привыкли носить всю жизнь.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

- © И. М. Светлов, перевод, 2025
- © Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®
- © Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-27722-9

Часть первая

В ТЮРЬМЕ

ГЛАВА 1

В три часа утра тишину прорезал нечеловеческий вопль. Прежде Табите не доводилось слышать таких жутких звуков, похожих на рев попавшего в капкан дикого зверя. Крик доносился издалека, многократным эхом раскатываясь по коридору. Что это было — истерика, бессильная ярость, реакция на издевательства охранника? Чуть погодя крики перешли в хриплые рыдания, громкость которых усиливалась металлической обшивкой дверей и перегородок. Табите казалось, что стоны и рыдания раздаются прямо в ее голове. На верхней койке заворочалась соседка по камере.

— Кому-то плохо...

В ответ тишина. Табита было решила, что сокамерница просто не желает с ней разговаривать, но тут из темноты раздался хриплый прокуренный голос. Медленно, словно беседуя сама с собой, женщина произнесла:

— Здесь всем плохо... Тюрьма, что уж тут. Либо совесть замучила, либо о детях вспомнила. А вот если что-то серьезное случится, ты ничего не услышишь, так и знай. Только охрана забегает по коридорам. А потом прилетит вертолет. При мне прилетал уже раза три...

— Зачем вертолет?

— Вот и думай сама — зачем?

Табите не хотелось думать о том, зачем вертолету приземляться ночью на тюремной площадке. Она вообще не желала думать, но это не удавалось. Взглянув еще раз на койку соседки, она будто впервые услышала несущиеся из коридора горестные вопли и вдруг со всей ясностью осознала: это происходит на самом деле. С ней!

До этого момента вчерашние события казались ей настолько странными и нелепыми, что, скорее, напоминали мрачную сказку о бедной женщине, которую упекли в тюрьму, — будто она читала книгу или смотрела отрывки из фильма. Вот женщина сидит в тесном, без окон «стакане» автозака, который везет ее из суда, вот бедняжка раздевается и приседает, на нее пялятся, ее досматривают, смеются над ее худосочной грудью и небритыми подмышками, вот она моется в душе. Потом ей выдают простыню и колючее синее одеяло, ведут по коридорам. С лязгом хлопают тяжелые металлические двери. На ремнях у надзирателей гремят связки ключей. Тюрьма так похожа на тюрьму...

Когда ее вели через центральный зал, по периметру которого на обоих этажах располагались двери камер, Табита чувствовала на себе взгляды других заключенных, и ей хотелось крикнуть им: «Это все сон! Я вас не знаю! Это ошибка!»

Она легла на койку и постаралась отключить голову, не прокручивать снова и снова в памяти события последних дней. Но все же это было лучше, чем мысли о том, где именно она находится сейчас.

Табита всю жизнь терпеть не могла лифтов. Она боялась застрять, боялась, что лифт сорвется. И всегда пользовалась лестницей. В Лондоне она возненавидела метро. Однажды в час пик поезд остановился между перегонами. Табита оказалась затертой среди множества потных тел. Динамики извергали лишь неразборчивые хрипы. Прошло пять, затем десять минут. На дворе стояло лето, и вскоре в вагоне стало жарко, как в сауне. Табита представила себе толщу глины и кирпичной кладки у себя над головой, набитый людьми вагон впереди, и такой же позади, и еще несколько таких же вагонов. И испытала неодолимое желание заорать как можно громче и ногтями, зубами прорывать себе дорогу на свободу. Она едва сдержалась тогда.

Теперь вместо вагона перед ней была камера: четыре шага в длину и три в ширину. Узкое за решеченное окошко. Из окна виден обнесенный стеной двор. Колючая проволока. Дальше — холмы. Вчера Табите показалось, что там, на вершине, движется чья-то фигура. Наверное, кто-то гулял. А теперь снаружи царил мрак, и лишь свет от прожекторов прорезал темноту. Дверь камеры откроется только утром — от одной этой мысли Табита чувствовала себя погребенной заживо. Ей хотелось взывать о помощи, подобно той женщине, что разбудила ее воплями в ночи. Но кричать нельзя, можно лишь тихо поплакать. Однако если она заплачет, то уж точно не остановится. Да и соседка не одобрит.

Тонкое одеяло не спасало от холода. Табита подтянула ноги к груди и обхватила колени рука-

ми. Она пахла тюремным мылом и невымытыми волосами. Табита зажмурилась и представила себе набегающие на скалистый берег морские волны. Но как она ни старалась отвлечься, мысли немудрено лезли в голову. Снова издали донесся крик, и за ним стук в дверь.

Невероятно, но ей все же удалось заснуть. Табита поняла это, когда соседка стала спускаться с койки. Сначала показались ее голые ступни с накрашенными ногтями и татуировкой в виде паука на лодыжке, затем обтянутые серыми лосинами голени. Черная футболка задралась, явив проколотый металлическим кольцом пупок. Потом Табита увидела обрамленное темными волосами гладкое овальное лицо. В ушах качнулись ободки серег. Девушка была не меньше шести футов роста, спортивного телосложения. На вид лет под тридцать, хотя судить сложно. Накануне Табита ее толком-то и разглядеть не успела — сразу забралась в постель и закуталась с головой в одеяло.

— Привет!

Женщина никак не отреагировала. Она молча шагнула к унитазу и отдернула занавеску.

Ах вот оно что! Камера изначально предназначалась для одного человека, но теперь к койке приварили второй этаж, поставили дополнительный стол и бельевого шкаф, а отхожее место отгородили низкой занавеской.

Женщина спустила штаны и шлепнулась на сиденье унитаза. Выражение лица у нее не изменилось, словно она была здесь одна. Табита отвернулась к стенке и натянула на голову одеяло, чтобы ничего не слышать.

Зарокотал слив, из-под крана полилась вода. Табита дождалась, пока соседка закончит умываться, слезла с кровати и принялась за свой туалет. Протерла под мышками, брызнула водой на лицо. Потом натянула выданные холщовые штаны, футболку и толстовку. Сунула ноги в кроссовки.

— Табита, — представилась она.

Соседка поглядела на нее сверху вниз, продолжая расчесывать волосы. Табита отметила, что та на голову выше нее.

— Еще вчера познакомились.

Повисла неловкая пауза.

— А тебя как звать?

— Микаэла. Что, забыла?

Дверь камеры скрипнула и отворилась. На пороге показалась тележка с двумя металлическими сосудами, которую катила худенькая невзрачная женщина.

— Чай, — произнесла Микаэла.

— Чай, — эхом отозвалась Табита.

Женщина наполнила две кружки. Табита открыла свой контейнер с завтраком: пластмассовая миска, ложка, рисовые хлопья, пастеризованное молоко, два кусочка черного хлеба, масло и малиновый джем. Ножа не было, так что масло пришлось намазывать черенком от ложки.

Табита не помнила, когда ела последний раз, и сразу же принялась за еду. Хлеб был суховат, но с чаем нормально. Табита высыпала хлопья в миску и залила молоком. Оно оказалось теплым и чуть кисловатым на вкус. Гадость та еще, но ничего не поделаешь — Табита съела всё и наклонила миску, чтобы допить остатки молока.

Однако есть хотелось все так же.

Табита пристроилась на унитазе, кое-как спрятавшись за низкой занавеской. «Словно животное», — подумалось ей. В глазах плясали огни, в ушах стоял звон. Внезапно ей захотелось изо всех сил приложиться лицом об стену, сделать что-нибудь, что принесло бы ей облегчение, что прекратило бы все это.

Но вместо этого она подтерлась, подтянула штаны, сполоснула руки и снова уселась на койку. Читать было нечего, делать ничего не хотелось. День казался бесформенным и ужасно длинным. Впрочем, книжка бы здесь не помогла. Тогда бы Табита подумала, что это и есть ее нормальная жизнь, а не чудовищная ошибка, которую необходимо срочно исправить и вырваться на волю, домой.

Микаэла чистила зубы. Чистила долго, с усердием. Сплюнув в раковину, она наклонилась и набрала воду ртом прямо из-под крана. Затем выпрямилась и звучно прополоскала горло. Табите казалось, что все ее чувства резко обострились: ее раздражали звуки, запахи, близость чужого тела... Микаэла убрала волосы в пучок и вышла из камеры. Вернувшись через несколько мгновений, она оперлась на стол и посмотрела на свою соседку:

— Не сиди просто так.

Табита промолчала. Говорить не было сил.

— Будет только хуже. Поверь мне, я-то здесь уже четырнадцать месяцев.

— Куда ты сейчас ходила?

Микаэла как-то безучастно взглянула на нее:

— А тебе разве не выдали памятку? Ну, там, где про физические упражнения, душ, расписание библиотеки?

— Что-то вроде давали, — ответила Табита. — Но мне ни к чему. Меня сунули сюда по ошибке.

— А, вот оно что... Не думай, что сможешь просто сидеть на койке и тебя никто не заметит. Это как на школьной площадке. Стоит такая маленькая девочка, мечтает только, чтобы все от нее отстали. А вот фиг. Тебе надо встряхнуться. Встань и сходи в душевую.

— Не хочется. Потом как-нибудь.

Микаэла повернулась к столику Табиты.

— Вот, — протянула она принесенное с собой полотенце. — Бери мыло и ступай мыться. Сейчас же!

Микаэла вышла из камеры, оставив открытой дверь. Табита поднялась с постели. Холод пробирал до костей. Она снова глянула в окно: небо затянулось белой дымкой. «Должно быть, снег пойдет». Было бы неплохо — белые пушистые хлопья, падающие всего в нескольких дюймах от нее, изменяющие пейзаж до неузнаваемости.

Табита подхватила полотенце и мыло и направилась в центральный зал, наполненный шарканьем шагов, хлопаньем дверей, кашлем и шлепаньем мокрых швабр по полу. К ней сразу же устремилась очень худая женщина в длинном коричневом платье, с покрытым сетью морщин лицом, длинными седыми волосами и распухшими от артрита руками. К груди женщина прижимала кипу каких-то бумаг.

— А, ты тоже здесь, — произнесла она, расплываясь в улыбке.

— Да, я тоже здесь, — отозвалась Табита.

Она прошла через зал дальше в сторону крыла здания, где размещались душевые — длинный ряд кабинок, напротив которых у дальней стены стояла деревянная скамья и висели вешалки. Здесь царила суэта, кто одевался, кто раздевался; плиточный пол был залит водой, пахло мылом, потом и человеческими телами.

Сразу в памяти возникли болезненные воспоминания о школьной раздевалке. Глядя в стену перед собой, чтобы ни с кем не встречаться взглядом, Табита медленно сняла одежду, но перед тем, как стянуть трусы, словно застенчивая барышня на пляже, она обмоталась потрепанным полотенцем.

Войдя в свободную кабинку, она задернула занавеску и повесила полотенце на крючок. Затем повернула кран, но из лейки выпало всего несколько капель. Табита попробовала крутить кран дальше, но это ни к чему не привело.

— Постучи по трубе! — раздался голос рядом. — Тресни по ней!

Табита послушалась, но ничего не произошло.

— Да бей сильнее, — сказал тот же голос. — Со всей дури!

Табита ударила кулаком. Труба издала похожий на кашель звук и исторгла тоненькую струю, которой как раз хватило, чтобы помыться. От всего этого веяло страшной тоской — бесприютной и безутешной...

ГЛАВА 2

— Сюда, — утомленно произнесла коренастая надзирательница.

Ее широкие мясистые ступни шлепали по полу во время ходьбы.

— Что случилось?

— Краткосрочное свидание.

— Какое еще свидание?

— Пришел ваш адвокат. Вас же еще вчера предупреждали.

Табита вообще ничего не помнила. Ни того, что было вчера, ни днем ранее. В ее памяти все смешалось в кучу — лица, взгляды, вопросы, на которые она не могла ответить, слова, смысл которых она не понимала; люди, которые без конца требовали от нее назвать имя, адрес, дату рождения; листы бумаги, что ей совали под нос, щелчки клавиш диктофона, длинные коридоры, лампы дневного освещения, решетки, ключи, двери...

— Вот комната для свиданий, — сказала женщина, дребезжа ключами на поясе. — Хотя сегодня никого не пускают.

Комната для свиданий оказалась просторным прямоугольным помещением, залитым слишком ярким светом. Обстановка заключалась в нескольких рядах небольших столиков и стульев

и двух торговых автоматах у стены. За одним из столиков одиноко сидела женщина средних лет. Перед ней стоял раскрытый ноутбук. Женщина потеряла круглое лицо, водрузила на нос очки, нахмурилась и снова уставилась в экран. Табита подошла ближе. Женщина взглянула на нее, коротко улыбнулась, встала и протянула руку. Рукопожатие было крепким и теплым. Ее седые волосы и твердый взгляд заронили в душу Табиты робкую надежду. Такая уж точно во всем разберется.

— Меня зовут Мора Пьюцци, — представилась дама. — Я буду представлять ваши интересы.

— А как же тот, другой?

Предыдущий адвокат был слишком молод и весел, что не придавало уверенности в нем.

— Это был дежурный адвокат, — пояснила Мора. — Он и передал ваше дело мне.

Они сели, скрипнув стульями по линолеуму, и посмотрели друг на друга.

— Как ваши дела? — спросила Мора.

— Как дела? — повторила Табита, едва удержавшись, чтобы не сорваться на крик. Что за вопросы она задает, черт?

— Меня посадили в тюрьму, а я даже не знаю, за что!

— Я как раз и пришла, чтобы помочь вам разобраться в этом недоразумении.

— Хорошо.

— Тогда первое: вы согласны поручить мне представительство ваших интересов?

— Да.

— Отлично. Я узнала ваш личный номер, на случай если вы его еще не получили.

— Личный номер? А зачем он мне, если я должна скоро выйти на свободу?

— Вот, держите.

Адвокат протянула карточку, и Табита прочла вслух: «АО 3573».

— Значит, теперь я просто номер, — сказала она, поднимая взгляд.

— А, просто формальность. Он больше нужен тем, кто будет приходить к вам на свидания.

— Свидания?

— Как лицо, находящееся под следствием, вы имеете право на три свидания в неделю. Вам что, не разъяснили ваши права?

— Да так, в общих чертах.

Мора Пьюцци кивнула:

— Да, поначалу трудно привыкнуть.

— Я должна выбраться отсюда как можно скорее!

— Само собой разумеется. Поэтому-то я здесь. Но, Табита, вы понимаете, в чем вас обвиняют?

— Да, я помню, что они мне говорили.

— Хорошо. Тогда вот с чего мы сегодня с вами начнем: сначала я изложу вам все обстоятельства дела, а потом вы своими словами расскажете, что же произошло на самом деле двадцать первого декабря.

— А можно сначала спросить?

— Конечно.

— Какое сегодня число?

— Девятое января, среда.

— Понятно...

Значит, уже прошли и Рождество, и Новый год, и теперь она оказалась в ином времени.

— Так, — произнесла Мора Пьюцци, заглядывая в экран компьютера, — если вкратце, то дело обстоит следующим образом. Вы обвиняетесь в убийстве Стюарта Роберта Риза, которое произошло в пятницу двадцать первого декабря между десятью сорока утра и половиной четвертого дня.

— Почему?

— Простите?

— Почему такой большой промежуток времени?

Пьюцци заглянула в свои заметки:

— Согласно данным камеры видеонаблюдения, которая установлена на стене деревенского магазина, машина потерпевшего проезжала мимо в десять тридцать четыре. А как вам известно, его труп был обнаружен в половине пятого вечера.

— Да, — едва слышно отозвалась Табита, — но тут целый час разницы! — добавила она мгновение спустя.

— Насколько я понимаю, судебного эксперта вполне устраивает тот факт, что Риз был мертв как минимум час до момента его обнаружения.

Голос Пьюцци звучал спокойно и негромко, словно речь шла о совершенно заурядном происшествии.

— Его тело, завернутое в полиэтиленовую пленку, нашел Эндрю Кейн под навесом около вашего черного хода. В тот момент вы находились у себя дома. При этом машина Риза оказалась припаркованной позади вашего дома так, что ее не было видно с дороги. Риза несколько раз уда-

рили ножом, однако смерть наступила в результате повреждения сонной артерии, — подняла глаза Пьюцци. — Это ранение в шею. Кровь была повсюду — на вас и на диване, где вы сидели.

— Но это уже было после его смерти, — произнесла Табита.

Пьюцци постучала по клавиатуре своего ноутбука:

— Полиция опросила всех жителей деревни, кто...

— Постойте.

— Да.

— Всех они опросить не могли — кто-то был раньше, кто-то позже.

— Опрос шел не один день.

— Что вы хотите сказать?

— Да вы что, не помните? Ветром повалило гнилой каштан, и дорога в деревню оказалась перекрыта. Чтобы расчистить путь, потребовалось достаточно времени.

— Я не знала об этом.

— Но, Табита, вы же были дома весь день! Как же вы не знали?

— Я не знала об этом, — повторила Табита.

Она чувствовала, как утекают последние обрывки воспоминаний, словно вода сквозь пальцы.

— Я не могу сказать, знала я или нет...

— Полиция составила список всех лиц, кто находился в Окхэме двадцать первого декабря. Кроме того, у нее имеются ваши же показания, в соответствии с которыми вы находились дома большую часть дня. Также есть еще показания свидетелей, но я пока еще не успела с ними озна-

комиться. То есть у нас только полицейский отчет. Остальное у меня будет позже, но задолго до первого заседания.

— До суда, что ли?

— Нет. Седьмого февраля вам будет предъявлено официальное обвинение. А вы сможете выразить свою позицию — ну, считаете себя виновной или нет.

— А есть шансы, что судья признает ошибку и меня отпустят?

Мора Пьоцци невесело улыбнулась.

— Давайте не будем забегать вперед. Я хочу узнать, что вы делали двадцать первого декабря. Подумайте, не торопитесь.

Табита кивнула. Она зажмурилась, потом снова открыла глаза. Что она могла вспомнить? Это все равно что смотреть сквозь метель, сквозь ночной полумрак, когда не понимаешь, где верх, а где низ, и земля уходит из-под ног.

— В тот день я проснулась довольно рано, — начала она. — Впрочем, встала я не сразу. Было очень холодно, и погода дрянная. Сначала снег, потом все раскисло, и сильный ветер еще... Я стала готовить завтрак, но поняла, что закончилось молоко. Накинула куртку прямо на пижаму и пошла в магазин. Кажется, еще газету купила.

— Сколько времени было?

— Не могу сказать. Я не смотрела на часы. А потом я вернулась домой.

— Больше вы из дома не выходили?

— Я плавала. Я всегда плаваю.

— Что?!

— Что «что»?

— Где находится ближайший к вашему дому плавательный бассейн? вспомните, что после десяти утра в тот день по дороге нельзя было проехать. Так что вы должны были выехать и вернуться до этого времени.

В голосе адвоката зазвучали предостерегающие нотки.

— Я купалась в море.

Мора Пьюцци вскинула брови.

— То есть вы утверждаете, что купались в море в самый разгар зимы, да еще в непогоду?

— Я плаваю каждый день, — ответила Табита. — Это правило. Мое собственное правило. И я никогда его не нарушаю.

— Да уж. Но хотя бы гидрокостюм у вас есть?

— Нет. Мне нравится холодная вода. Это почти больно.

Табита заметила, что Мора поджала губы, словно она сказала ей что-то нехорошее.

— Местные считают меня чокнутой. Но, как бы то ни было, в тот день я ходила на море.

Табите показалось, что она вновь испытывает колющее прикосновение морских волн и боль от острых камней под ногами, но это была лишь игра воображения. Она плавала каждый день, и теперь трудно было отличить реальность от фантазии.

— И во сколько же вы купались?

— Не знаю. Не помню. Утром? Да, наверное, утром. Обычно я ходила на море с утра.

— Вы кого-нибудь встретили по пути?

— Не знаю. Может быть. Не могу точно вам сказать. Я ведь ходила на море каждый день, так что теперь и не упомнишь всего.

- Так, вы выкупались и?..
- И пошла домой.
- А еще вы выходили из дома?
- Думаю, да, но сейчас не могу быть полностью уверена. Мне уже назадавали столько вопросов, что я и сама путаюсь.
- Чем вы занимались дома?
- Да ничем особо. Вообще не помню.
- По телефону вы разговаривали?
- Нет.
- Может, отправляли кому-нибудь сообщения? Или работали на компьютере? У вас есть компьютер?

Табита снова кивнула:

- Есть. Но я ничего такого не делала.
- Работали ли вы с электронной почтой?
- Не думаю. Вообще, должна была...

Табита прекрасно помнила, что ничего не делала. Это был один из тех самых ужасных дней, когда она хотела только одного — остаться живой.

— То есть у вас нет четких воспоминаний о том, чем вы занимались двадцать первого?

- Нет.
- Но вы помните, как пришел Эндрю Кейн?
- Энди? Да, конечно.
- Расскажите мне об этом. Спокойно, не спешите.

Табита с удивлением подумала: зачем Мора повторяет свое «не спешите»? Куда теперь спешить? Времени вагон.

— Он постучал в дверь. Я как раз была в зале и открыла ему. Или, может быть, он сам вошел. Было уже почти темно и жутко холодно. Помню

Литературно-художественное издание / Өдөби-көркөм басылым

НИККИ ФРЕНЧ

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ ДОМ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспага дол койылды 23.04.2025.
Формат издания 70 × 90 1/2. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 19,89. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндүрүшү: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШК — ИНОСТРАНКА® тауар белгисин иеси, 115093, Москва, к. ш. аум. Даниловский муниципалдык округу, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург к. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШК филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшөсү, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басыл ыңгарылган.

Тексттик ырааттуулукту тастау үчүн РФ заңнамасына сай басылымдын сертификаттын
распау туралы маалыматтарды мана адрес бойынша алууга болот:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-PED-36735-01-R